

Хранитель вечной любви

Сегодня исполняется 110 лет со дня рождения классика казахской литературы, крупнейшего исторического романиста Ильяса Есенберлина

Илья Пащенко

Литература – суть жизни

«Настоящий писатель острее других чувствует чужую боль, в особенности если это боль целого народа. Надо понять главное – чувствовать острее не значит чувствовать глубже. Просто есть люди, которые не любят громких слов, которым кажется, что и само слово бессильно там, где нужны конкретные дела. Эти люди готовы отдать все, что у них есть – благополучие, место в жизни и, наконец, когда это понадобится, саму жизнь. Кто не любит другой народ, тот и свой никогда по-настоящему не любил. А кто любит свой народ, тот не может не любить и другой. Потому что понятие любви к своему народу – это все-таки понятие частное от любви к человечеству в целом и человеку в отдельности... Главное в жизни писателя – его народ. Если писатель не нужен своему народу, то он никому не нужен. Даже себе» – эта пространная выдержка из сокровенных личных записей Ильяса Есенберлина, аккумулирующая в своих строках его творческое, нравственное и социальное кредо, может быть поставлена эпиграфом ко всему творчеству писателя в целом.

В своих художественных поисках Есенберлин всегда оставался последовательным гуманистом и горячо отстаивал священную обязанность литератора вторгаться в жизнь, преображая и наполняя ее новым, эстетически и духовно совершенным содержанием. Он любил повторять ставшие для него ориентиром слова Оноре де Бальзака: «Улучшать нравы своего времени – вот цель, к которой должен стремиться каждый писатель, если он не хочет быть только «увеселителем публики».

Активное отношение к жизни, стремление найти в художественном слове ключ к разрешению общемировых проблем, невероятно точное, быть может, даже прозорливо-пророческое ощущение основных тенденций развития эпохи, ее живого пульса, наконец, несравненное литературное мастерство даровали Есенберлину высокое право стать

летописцем великих свершений родного народа. И сегодня мы произносим его имя в ряду классиков исторического жанра: Вальтера Скотта, Генрика Сенкевича, Алоиса Ирасека, Лиона Фейхтвангера, Алексея Толстого, Василия Яна, Анатолия Виноградова, Георгия Гуля, Мориса Дрюона, Анны Антоновской, Павла Загребельного.

В большую литературу Илья Есенберлин пришел уже зрелым человеком, имевшим за плечами фронтовой опыт Великой Отечественной войны. По словам Ануара Алимжанова, в юности он «...мечтал стать металлургом. Мечта его осуществилась бы, поскольку в 1940 году он окончил Казахский горно-металлургический институт, но началась война с фашистской Германией, и Есенберлин ушел на фронт. Тяжелое ранение и после войны не позволило ему занять место в рядах молодой национальной технической интеллигенции. Основным содержанием жизни Есенберлина стала литература. Писать Есенберлин начал еще на фронте и, подобно многим другим, стремился проявить литературный талант в поэзии – с 1945 года стали появляться небольшие сборники его стихов и поэм. Многие стихи, переложенные на музыку, звучали по радио и с эстрады».

В рядах Красной армии Есенберлин находился с самых первых дней войны. В 1942 году он участвовал в боях под оккупированной фашистами Старой Руссой – важным центром снабжения, потеря которого означала

В своих художественных поисках Есенберлин всегда оставался последовательным гуманистом и отстаивал священную обязанность литератора вторгаться в жизнь, преображая ее

для гитлеровцев крах оборонных и разгром их войск между озерами Ильмень и Селигер. Одно из сражений едва не стало для Есенберлина роковым. Он был тяжело ранен в правую ногу, и врачи, борющиеся за жизнь воина,

всерьез ставили вопрос о ее ампутации. К счастью, такого расклада удалось избежать, однако бесследно ранение не прошло, и до своих последних дней писатель страдал от неизлечимой хромоты – одна его нога стала короче другой на пять сантиметров. Письма Ильяса Есенберлина военных лет позволяют нам понять его душевное состояние, его надежды, переживания и мечты: «В такой войне с человеком

Произведения писателя, воссоздающие целые пласты истории казахского народа, широко известны далеко за пределами нашей страны

всякое может случиться: можно и погибнуть, можно выжить, но остаться инвалидом... Как хочется, чтобы хоть кто-то из нас (речь идет о братьях писателя. – Авт.) остался в живых, пусть и калекой, и своими глазами увидел нашу Победу!»

Проведя год в госпиталях Костромы и Свердловска, Илья Есенберлин был комиссован по инвалидности, после чего вернулся в Алма-Ату и занялся общественной работой. Несколько лет трудился он в аппарате ЦК Компартии Казахстана, а затем был назначен директором Казахской государственной филармонии. И хотя столь многообразная трудовая деятельность требовала от Есенберлина крайнего напряжения всех душевных сил, он ни на мгновение не забывал о литературе, которую все яснее и яснее осознавал центром своего внутреннего мира. Помимо стихов писатель также пробовал себя в драматургии – широкоую известность в послевоенные годы приобрела его пьеса «Борьба в горах», которая с успехом шла на сцене алма-атинского ТЮЗа. В это же время в печати появились переведенные Есенберлиным на казахский язык рассказы и сказки великого русского педагога-демократа Константина Ушинского. «Как удавалось Есенберлину

сочетать административную и напряженную творческую деятельность? – задавался вопросом писатель и литературовед Павел Косенко и тут же отвечал: – Он любил и ту и ту, и совмещать их ему позволяли его железная воля и «чувство границы».

На подступах к главной книге

За внезапным арестом по обвинению в злоупотреблении служебным положением, случившимся весной 1951 года, последовал двухлетний срок на строительстве Каракумского канала, до сих пор остающийся одной из малоизученных страниц биографии писателя. В апреле 1953 года он был освобожден со снятием судимости, а еще через год – восстановлен в партии, на чем настоял второй секретарь ЦК Леонид Брежнев, с вниманием относившийся к творчеству писателя. После освобождения Есенберлин почти не обращался к поэзии, а к драматургии охладил вовсе. Ему казалось, что бытовавшие в них литературные формы сдерживают его творческий порыв, ограничивают в самореализации, не дают в полный голос заговорить со своим народом – главным читателем, преданным, но взыскательным. «По мнению самого Есенберлина, –

писал Ануар Алимжанов, – ни в поэзии, ни в драматургии ему не удалось со всей полнотой выразить свое творческое кредо, свои нравственные принципы, и он очень скоро обратился к прозе, которая, как ему казалось, предоставляла больший простор для художественных исканий».

«Схватка» и «Опасная переправа» – первые романы Есенберлина – сразу же стали заметным явлением в казахской литературе, а имя их автора встало в ряд с ведущими прозаиками страны. Отличительной чертой этих произведений стала тесная органическая связь их художественного мира с объективной действительностью, с магистральными устремлениями и духовными поисками современников писателя. Красочный, образный язык, динамичность действия и удивительное чувство истории, делающее само время одним из главных действующих лиц этих романов, обеспечили книгам Есенберлина заслуженную читательскую любовь. Сегодня о значении этих романов полезно вспомнить и потому, что с конца 80-х годов в литературоведении, равно как и в широком читательском сознании, произошел заметный крен, и Есенберлин, посвятивший большую часть своих произведений подвигам советских тружеников, стал восприниматься едва ли не как автор одной книги – трилогии «Кочевники», которая хоть и была несомненной вершиной творчества писателя, все же не исчерпывала его глубины и многообразности.

«Есть среди его романов о современности и проходные для него вещи, но «Схватка» и последовавшая за ней «Опасная переправа» – это завоевание всей казахской советской литературы. Это книги, глубоко раскрывающие «драмы идей» двадцатого века», – писал Павел Косенко в своих воспоминаниях о Есенберлине. Стоит особо отметить значительные достоинства романа

Первые романы Есенберлина сразу же стали заметным явлением в казахской литературе, а имя их автора встало в ряд с ведущими прозаиками страны

«Опасная переправа» – по сути, первой художественной летописи становления казахской творческой интеллигенции и зарождения в нашей стране советской литературы.

Образ главного героя произведения, Буркута Кунтуарова, воплощает наиболее типические черты мировоззрения поэтов-просветителей начала XX века, он собирателен и вместе с тем глубоко индивидуален. Буркут, некогда писавший стихи идилического содержания, переживает кризис просветительства, осознает социальную сущность искусства и мучительно ищет свой собственный, неповторимый путь в новую действительность. Исторически достоверно и полнокровно воссозданы писателем страницы истории литературной борьбы 20–30-х годов, центральным вопросом которой была судьба национальной культуры. Главный философский образ романа, образ опасной переправы, олицетворяет нравственное совершенствование человека, его неразрывную связь с народом и ответственность за собственное жизнеустройство, утверждающееся в ежедневных схватках со слепой планидой. Центральную идею произведения писатель передает словами Буркута: «Твоя судьба принадлежит тебе, иди и думай. Ты стоишь на диком и отдаленном берегу, тебе следует преодолеть ночную реку и присоединиться к своему народу – это будет опасная переправа, но ты ее должен преодолеть! Должен, если хочешь остаться

человеком. Должен, если просто хочешь жить!»

За «Схваткой» и «Опасной переправой» последовал ряд масштабных художественных полотен: романы «Прикрой своим щитом» – о первоцелинниках, «Золотые кони просыпаются» – о труде советских археологов и гидрогеологов, «Мангыстауский фронт», «Золотая птица», а также тематически примыкающие к ним повести «Песнь о человеке» и «На берегу реки» – о рабочем классе республики. Откровением для читателей стал роман «Возлюбленные», в котором наиболее ярко проявились лирический талант Есенберлина и его трепетное, подлинно поэтическое отношение к высоким проявлениям человеческой души. Любовь, эту вечную тему мировой литературы, писатель понимает как высший дар и непреходящую ценность бытия, как исток и мерило всех наших взаимоотношений.

Невозможно переоценить значение magnum opus Ильяса Есенберлина – трилогии «Кочевники», ставшей первым романом-хроникой в казахской литературе. Новаторство художественной формы переплетено в нем с новаторским подходом Есенберлина к описываемым событиям, в котором свойственные писателю глубина философских обобщений и яркая образность переплетены с точнейшим историческим анализом. Говоря откровенно, своим литературным трудом Илья Есенберлин восполнил зияющие пробелы современной ему исторической науки, ведь, как справедливо отмечал Ануар Алимжанов, в то время «еще отсутствовали строго научные исследования прошлого казахов, известным историческим событиям и лицам не были даны принципиальные оценки, не были изучены сложнейшие проблемы национальной истории». И в этом отношении нельзя не согласиться с точным высказыванием известного литературоведа

Зои Кедринной, считавшей, что автор «Кочевников» опередил ученых по ряду ключевых проблем изучения истории казахского народа.

В историко-художественном методе Ильяса Есенберлина от-

четливо проявилось упоминавшееся выше «чувство границы», которое позволило ему избежать опасной тенденции к модернизации прошлого, то есть к перенесению современных конфликтов в условия описываемых исторических событий. В отличие от западных писателей, для которых внешний параллелизм хронологически отдаленных явлений приобретал центрообразующее значение, Есенберлин следовал лучшим традициям советской исторической романистики, тяготевшей к поиску естественных связей между прошлым и настоящим. Идею преемственности поколений особо оттеняет гуманистический пафос трилогии, пронизанной раздумьями писателя по важнейшим вопросам человеческого бытия – вопросам войны и мира, сохранения жизни на земле, борьбы за лучшее будущее и, наконец, народного единства в этой общей борьбе.

Хранитель вечной любви – вот, по мнению Ильяса Есенберлина, самое высокое звание, какого только может быть удостоен человек. Таким и остался писатель в народной памяти – хранителем вечной любви к жизни, родной стране и ее славным людям, ее богатому языку и, конечно, к художественному слову, этому загадочному, многоликому и всемогущему спутнику вечности.

«Надо помнить, что писатель и читатель – два самых близких сопереживателя тех событий, о которых повествуется в произведении», – считал Илья Есенберлин